

Някросишюс Эймурюс
(рече)

28.11.03

Эймунтас Някрошюс показал Москве «Времена года» Донелайтиса

Одна абсолютно счастливая весна

Посреди всякой театральной всячины, которую привез в столицу питерский фестиваль «Балтдом», диалогия Някрошюса (ее части называются соответственно «Радости весны» и «Благо осени») высится, как гора Монблан посреди российских холмов. Это кульминация фестиваля. Его апогей. По окончании представления в фойе были замечены едва ли не все выдающиеся российские режиссеры. Они пришли посмотреть на работу Мастера.

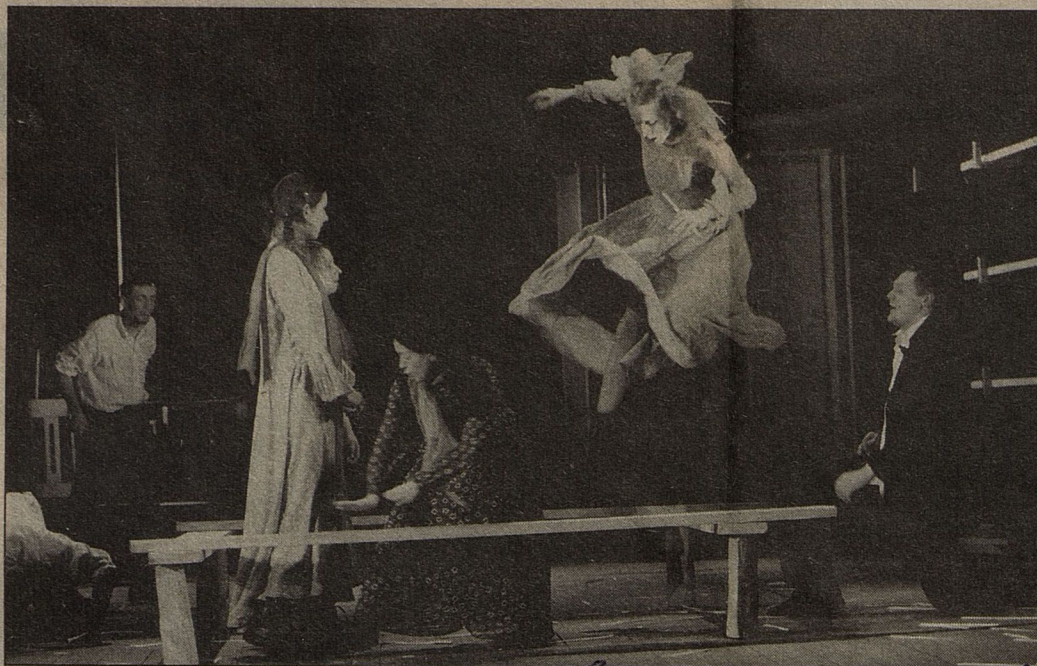
Марина ДАВЫДОВА

Рассказывают, что литовские власти буквально упростили Някрошюса, ставящего все больше Чехова да Шекспира, поставить что-нибудь свое, родное, литовское. Выбор пал на эпическую поэму XVIII века Кристионаса Донелайтиса «Времена года», с которой есть пошла вся литовская литература. Это написанное гекзаметром просветительское произведение, полное поэтичных описаний природы, картин крестьянского труда, красочных рассказов о народных обычаях и неизбежных для Просвещения дидактических мотивов, современному литовскому уху кажется несусветной архаикой. И читают его скорее по разнарядке, чем для удовольствия. Някрошюсу оно пришлось в самый раз. Все его дремлющее под спудом городской цивилизации деревенское прошлое вдруг разбередилось. Хуторские корни впились в животворную почву. Его муза расслышала в стихах Донелайтиса что-то хоть уже и далекое, но все же родное. Расслышала и тут же перепела по-своему.

Все, что вы знали о Някрошюсе раньше, вы узнали бы и теперь. Вплотенный им на сцене материальный, грубый, зримый мир, где рукотворные вещи соседствуют с природными объектами — камнями, землей, огнем, водой, древесиной, повешенными под колосники колосьями, где каждая вещь наделена

душой и именно поэтому, а не по какой-то другой причине так легко превращается из вещи в метафору, опять налицо. Взаимоотношения героев с этими вещами и становятся театральным сюжетом (сюжетами) диалогии. И кажется, что главной темой станет растворенность человека в мироздании. Возвышенный и спокойный пантеизм. Все оказалось сложнее.

Действующие лица обоих спектаклей четко делятся на массовку и протагониста. Кто он такой, этот протагонист? Во-первых, Демиург, создающий с людской помощью сценический мир (как много усилий надо затратить, чтобы превратить щепки в птиц, клубки шерсти в молнии, веревки в макароны, артистов в животных, животных в людей). Тут театральные метаморфозы рифмуются с природными, простые житейские заботы обретают возвышенный смысл, а творчество и труд оказываются синонимами. И если поэма Донелайтиса в первую очередь о тяжести труда, спектакль Някрошюса еще и о его радости. Вот он, Демиург, летает над сценой на огромных качелях и из кирпичей, которые дружно и справно подают ему его помощники, строит небольшой, но уютный мир. У этого Демиурга, как и положено, есть даже свой антагонист — появляющийся во второй части и пародирующий все действия главного героя лысый охальник и лицемер с явно бесовскими ухватками. В какой-то мо-

Эймунтас Някрошюс привез в Москву литовский эпос *Извесния* — 2003 — 28.11.03

мент он даже выходит на авансцену с маленькими рожками. Обнаруживает себя, черт эдакий.

Во-вторых, протагонист — это еще и сам Донелайтис, на что в спектакле содержится прямой намек. Родоначальник литовской литературы был шлифовальщиком стекол и пастором; протагонист спектакля в самом начале представления тоже берет в руки стекло и, неосторожно порезавшись, подвешивает его на веревке, чтобы смотреть сквозь него на Божий мир, он же выполняет по отношению к массовке некую учительскую миссию — показывает им, как жить в этом мире и пользоваться его дарами. В-третьих, главный герой

еще и сам Някрошюс, ибо сценические образы этого спектакля явно пропитаны воспоминаниями его детства, а в костюмах героев нет ни да и проскальзывает простая послевоенная «мода» — цветастые платочки, береты, шарфики, шапки-ушанки. Иными словами, главный герой диалогии не только Творец, но еще и творец, художник со своей непростой судьбой. Тут-то собака и зарыта.

Не знаю, как у других, а у меня первая часть диалогии вызвала в памяти прекрасный русский спектакль последних лет — «Одну абсолютно счастливую деревню» Петра Фоменко. И что, казалось бы, общего у Някрошюса с Фоменко, а у Донелайти-

са с Борисом Вахтиным? А вот ведь как-то все сошлось. Вплоть до прямых соответствий. Например, одушевленное чучело есть и там и здесь. У Фоменко оно веселое и задиристое. У Някрошюса немного жалкое — все пытается ухватить своей негнущейся палкой-рукой блин, который сельчане поедают во время деревенского праздника. В «Радостях весны» и спектакле Фоменко разлитое какое-то удивительное миропритяжение. Неодушевленные предметы одушевляются, одушевленные театрализируются, и все они вместе водят по сцене бесконечный, заворачивающий хоромов. Жизнь и смерть переплетены в неразрывный клубок. По большому счету смерти

нет вовсе. В «Деревне» погибший на фронте солдат явится своей невесте во плоти и посоветует ей снова выйти замуж. В «Радостях весны» замерзшего юношу вернут криками и побоями к жизни. Некто захочет умереть, выложит себе могилку из кирпичей, ляжет, возьмет в руки свечу, но демиург-художник вытащит его оттуда за ноги. Некогда умирать. Работать надо!

После первого спектакля, полностью веселья и надежд, казалось, что удивительное соответствие в работах двух столь непохожих друг на друга режиссеров и должно стать главным предметом статьи. После второй, исполненной трагизма, части все изменилось. Вслед за одной абсолютно счастливой весной у Някрошюса наступила печальная осень. И причина печали проста.

Круговорот вещей в природе не рифмуется с линейностью жизни. Старость природы и твоя старость — как ни крути, не одно и то же. Радости весны вернутся, радость юности уйдет. Этот трагический парадокс и составляет существо диалогии Някрошюса. Бесконечные времена года опрокинуты у него в конечное время жизни. Пантеизм изъеден рефлексией. И вот сценический Донелайтис рвет написанную им самим книгу. Вот массовка, вооружившись духовыми инструментами, пытается сыграть по этим обрывкам, как по нотам. Превратить стихи в музыку. Но вместо размеренного гекзаметра мы слышим какие-то режущие слух диссонансы. Вот стол застилают черным бархатом, а щепки, превращенные некогда в птиц, становятся погребальными свечами. «Так и радость от нас с промелькнувшим летом умчалась».

За зимой неизбежно будет весна. Что будет за смертью?